

В. А. Щипков

*кандидат философских наук, доцент кафедры
международной журналистики МГИМО МИД России,
директор Русской экспертной школы*

ПОСТСЕКУЛЯРНЫЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

Уважаемые участники словесно-исторических научных чтений!

Для меня большая честь выступать на смоленской земле. Она родная для нашей семьи и моих предков. И ещё я испытываю чувство особой ответственности, выступая на конференции, посвящённой филологу и преподавателю Татьяне Николаевне Щипковой, потому что являюсь её внуком и ношу её фамилию.

Наши Чтения посвящены образовательным, научным и культурным процессам, которые происходили во второй половине XX века и которые до сих пор продолжают влиять на развитие гуманитарного пространства России.

Я предлагаю посмотреть на них с точки зрения общего культурного контекста XX века.

В 1960-е годы философия и смысл жизни на Западе сводились к положению о том, что либеральные ценности обслуживают рынок, а рынок укрепляет эти ценности. Этим взаимовыгодным отношениям уже не нужно было конструировать никакие доказательства и идеи, всё уже было сформировано, поэтому закончилась эпоха философии, и началась эпоха технократической социологии. Возник смысловой и духовный вакуум. Чтобы политические и духовные искания не привели молодёжь к прокоммунистическим и антикапиталистическим настроениям, философами, обслуживавшими рыночную элиту, был предложен постмодернизм. Была создана культурная индустрия, маскирующая бесцельность под вседозволенность. Молодёжи разрешили наслаждаться бессмысленностью существования, жить в состоянии гламурного бунта против любой иерархии — и политической, и морально-нравственной. И при этом не получать в свой адрес осуждения. Так был придуман главный лозунг культурной революции конца 1960-х — «Запрет запрещать!». Постмодернистский бунт был системным, он был встроен в рыночную систему — отражался и поддерживался в фильмах, музыке, одежде, и в конечном счёте — в моделях социального поведения, во многом антихристианских, антисемейных и постгуманистических.

Идеи постмодернизма отчасти просачивались в Советский Союз, но лишь косвенно. Это проявлялось в интересе к западной музыке, атрибутике хиппи, авторскому кино, ко всему «альтернативному». Но по-настоящему массовым и революционным этот интерес не был. Поэтому культура советских шестидесятников с её лирикой и романтизмом лишь отдалённо и с большой натяжкой напоминает постмодернистскую вакханалию западной культуры той эпохи. В целом советская цензура тормозила проникновение в советскую реальность постмодернистских черт. Советская власть на всесоюзном уровне методично воспроизводила ценности классического секулярного модерна, на котором основывалась с самого своего начала советская жизнь.

Русская культура, временно подчинённая советской форме, находилась в то время в крайне тяжёлой ситуации. С одной стороны, на неё давила индустрия советского секулярного модерна, которая отрезала от неё большую часть традиции, многовековые религиозные модели поведения, которые были органичны народу. С другой стороны, перед ней предстал и сытый, заманчивый, но агрессивно нигилистический постмодернистский Запад, свободная жизнь которого выглядела привлекательной, но не могла дать фундаментальные ответы на вопросы о собственной идентичности, собственной истории и целях жизни народа.

Таким образом, советский секулярный модерн, за которым стоял мощнейший в мире советский государственный аппарат, столкнулся со стеной нигилистического антисоветского, но не менее секулярного постмодерна, за которым стояла ещё более грозная сила глобальной массовой культуры. Между ними возникло напряжение, готовое взорваться от искры.

Такой искрой стал религиозный поиск, который возник в СССР в 1970-е годы, когда у разных людей возник интерес к церкви, православию и религиозной жизни. Свидетелем этого была Татьяна Николаевна и мои родители. Именно в этом локальном процессе в СССР началось рождение того состояния культуры, которое сегодня всё чаще называют постсекулярным.

Постсекулярный поворот, который начался в умах и душах многих советских людей, по своей природе был неполитическим, — не антисоветским и не антикапиталистическим. Этот запрос с самого начала был обращён к самому историческому процессу, к идеологии «современности», модернизи, которая существует 600 лет. И если постмодернизм не бросал вызов секулярной клетке, пытался создать иллюзию того, что в ней можно чувствовать себя свободно и полноценно, если затуманить голову, то советские люди с самого начала пытались пере-

осмыслить секулярность как таковую — как базовую, фундаментальную основу всей культуры современности.

Европейская философия и гуманитарная наука, глобализовавшая мир, последние 600 лет находились в состоянии, когда о религиозном нельзя было говорить напрямую, непосредственно. Говорящий был поставлен в особые условия, в так называемое научное, светское, общее для всех и нормативное пространство, по отношению к которому религиозные темы, а тем более проблема религиозной аксиологии и принципов веры (догматики) являлись бы внешними, были бы вопросами личного предпочтения, которые не оказывают непосредственного влияния на его выводы. Само это общее пространство подразумевало для всех особую методологию со своим специфическим языком. Оно создавало особые модели знания (например, позитивные, аналитические или структурные), при которых проблема божественного и непознаваемого была бы незначимой: в одинаковой степени могла бы как учитываться, так и выноситься за рамки речи (то есть маргинализироваться) или вовсе отсутствовать в ней (то есть игнорироваться).

Проблема заключалась в том, что в этих условиях передача социального опыта, всегда связанного с фундаментальными религиозными ценностями, не могла осуществляться непосредственно, с опорой на окружающую культуру. До XX века ещё можно было публично апеллировать к религиозному опыту народа, но нельзя было строить на этом опыте свою аутентичную социальную реальность, отличную от либеральной и модернистской. Традицию лишали самостоятельности и отводили ей роль незначительной, стилевой и популистской надстройки над идеологическим фундаментом — социальной теорией и рыночной экономикой. Она лишалась права публично использовать систему аргументации с опорой на теологические аргументы, должна была пользоваться существующими философскими и общественно-политическими концепциями, то есть играть по правилам, разрешённым самой новоевропейской секулярной философией.

Постсекулярное направление открывает дискуссию о природе секулярного и таким образом автоматически снимает неприкосновенность с обсуждения фундаментального принципа современности — тотальной имманентности знания и ценностей. В этом смысле постсекулярное направление ставит целью не отрицание современности как таковой, а определение границ этого исторического проекта, рассмотрение его базовых оснований, снятие запрета на дискуссию о его альтернативах.

На Западе, где религия была полностью разрешена, в то время проходили совсем другие процессы — в 1960-1970-е годы в западной гума-

гитарной науке началось новое активное продвижение старой теории секуляризации, согласно которой любое общество, идущее по пути модернизации, то есть развивающее либеральную демократию и рыночную экономику, однажды обязательно станет секулярным, то есть откажется от религии и Бога; и тогда же в католической церкви провели Второй Ватиканский собор, который фактически объявил о своей верности этой теории и на годы вперёд расписался в бессилии перед радикальным секуляризмом. Первые попытки подойти к постсекулярной проблематике на Западе начались только в 1980-е годы, продолжились в 1990-е, и лишь после террористической атаки на башни-близнецы в 2001 году главные философы-идеологи типа Хабермаса и Бергера объявили, что их теория секуляризации во многом ложная и не справляется с ответами на проблемы, стоящие перед глобальным западом. Сегодня в науке это уже стало общим местом.

Главное в постсекулярности — это процесс освобождения теологического мышления, констатация теологичности любого знания. Речь идёт не столько о возвращении теологии в ряд научных дисциплин, сколько о конце иллюзии о внетеологичности гуманитарного знания. Этот подход ведёт к признанию, что между всей гуманитарной мыслью и теологией существует постоянная связь. Кроме того, он позволяет использовать теологические аргументы в социально-политических дискуссиях. При этом происходящий постсекулярный поворот свидетельствует не о победе неких постсекулярных ценностей, а об изменении правил дискуссии.

Пока постсекулярное направление будет наращивать своё влияние, предметом главного спора будет не теория познания, логическая или эмпирическая истинность тех или иных суждений, а снова, как в Средние века, теологические вопросы о высших ценностях и должных взаимоотношениях человека с ними. Разные характеристики этих ценностей, с опорой на разные этические и религиозные системы, будут в обозримой перспективе вести к появлению разных «постсекулярностей» и, следовательно, различных моделей научного знания и социально-политических проектов. Социальные и философские науки вновь будут становиться теологией.

В России этот процесс развивается по собственному вектору. Он начался в 1970-е годы, задолго до современного разговора о постсекулярности. Он решает не политтехнологические, а сотериологические задачи. И накопленный опыт позволяет ему рассматривать не культуру и религию как подсистему социального, а социальное рассматривать как подсистему богословского. Поэтому русской гуманитарной науке есть, чем заниматься и что отстаивать на этом поприще.

УДК 8/9(082)
ББК 63я431+80я431
С48

**Русская экспертная школа
Смоленский государственный университет
Всемирный русский народный собор**

С48 Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : Сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова. — Москва : Русская экспертная школа, 2020. — 144 с.

ISBN 978-5-6041154-4-2

Сборник представляет читателям научные статьи, которые подготовлены на основе тезисов, прозвучавших 17 февраля 2020 года в Смоленском государственном университете в рамках первых Словесно-исторических научных чтений «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности». Это мероприятие было посвящено 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой (1930–2009) — православной исповедницы веры, филолога и преподавателя факультета иностранных языков Смоленского педагогического института им. К. Маркса (в настоящее время — Смоленский государственный университет) в период с 1961 по 1978 год.

Контакты:
www.russian-expert.ru
mail@russian-expert.ru

Гравюра на обложке:
Смоленск. Собор, гимназия и Дмитровские ворота
(Рисов. на дер. Н. И. Соколов, грав. К. Вейерман)

ISBN 978-5-6041154-4-2

© Щипков В. А., 2020
© Русская экспертная школа, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артеменков М. Н.</i> Приветственное слово. Преемственность поколений и ценностей в истории Смоленского государственного университета	5
<i>Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский</i> Приветственное слово. Конференция памяти Т. Н. Щипковой	7
<i>Щипков А. В.</i> Приветственное слово. Жизненный путь Т. Н. Щипковой в контексте религиозной жизни в СССР	8
<i>Аристархов В. В.</i> О концепции культурно-образовательной политики	17
<i>Щипкова Л. В.</i> Т. Н. Щипкова и ленинградская грамматическая школа романистики	20
<i>Каиль М. В.</i> Отцы-основатели и рождение «советского университета» в Смоленске	27
<i>Перевезенцев С. В.</i> Историческое сознание: опыт типологизации	32
<i>Козлов Ю. В.</i> Литературный процесс и евангельские тексты	46
<i>Щипков В. А.</i> Постсекулярный поворот в современной гуманитарной науке	51
<i>Ковалёва В. С.</i> Традиции и сегодняшний день филологического факультета СГПИ — СГПУ — СмолГУ	55
<i>Гронский А. Д.</i> «Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе	59
<i>Власова Ю. Н.</i> Из истории кафедры французского языка СмолГУ	69

<i>Шевченко К. В.</i> Языковые и образовательные аспекты этнокультурной инженерии в Восточной Галиции в XIX — начале XX века	72
<i>Терещенкова А. А.</i> Мои учителя	92
<i>Павлова Л. В.</i> О чём говорят протоколы заседаний смоленских писателей 1970-х годов	95
<i>Романова И. В.</i> Из жизни смоленской интеллигенции 1960–1970-х годов (по воспо- минаниям профессоров филологического факультета СГПИ)	101
<i>Левшун Л. В.</i> «Аберрации адекватности» в современных учебных программах по гуманитарным дисциплинам	106
<i>Белютин Р. В., Баруздина С. А.</i> Международные научно-образовательные связи кафедры немецкого языка СмолГУ	117
<i>Бендин А. Ю.</i> Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа	120
<i>Щипков Н. А.</i> Политические репрессии в США в середине XX века: опыт сравнения инструментов политического давления в странах демократического и коммунистического блоков	132
<i>Матвеевков Д. В.</i> Ты — наша гордость! Иняз СГПИ, 1970–1990-е годы	137